

Дом разбитых ваз

Рассказы

Иван Валуев

Иван Александрович Валуев

Дом разбитых ваз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28073843

SelfPub; 2017

Аннотация

Открывая книгу, читатель невольно входит в дом, где души людей блуждают по комнатам со своими обнаженными и лишенными заземленных привязок историями. И когда-то эти души были заключены в тела, в вазы, которые, не выдержав боли, страданий и болезней, разбились в доме и остаются лежать в нем красноречивыми осколками... Главное, входя в Дом разбитых ваз, не оступиться на осколках... Ведь души тоже могут обижаться... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Одиночество	4
Падение немых уст	16
Обреченный	36
Кровать на двоих	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Одиночество

Вы не замечали, как, порой, бывает, коротка наша жизнь? Жизнь, которая может поместиться на одном листе, такая монотонная, что может показаться лишь одним днем.

Я обычный студент. Все свое время я уделяю саморазвитию и работе. А вот учебу я не люблю. У меня нет способности зубрить все. Это выглядит, как гребаный онанизм, который со временем переходит в хронический.

Некоторое время своих серых будней я провожу на работе в книжном кафе. Каждый день после колледжа или вместо посещения его, я прихожу в кафе. Это очень тихое и спокойное место. Сюда приходят те, кому не интересна суета и необходима частичная изоляция. А изоляция частичная потому, что все они боятся абсолютного одиночества и даже если они уверяют вас в обратном – это не так. Глубоко в подсознании они боятся одиночества. По глазам этих людей можно прочесть многое, если не все. Вплоть до того, о чем они думают в настоящий момент. Это место питает меня и немного учит разбираться в людях, когда они едят, пьют свой кофе и погружены в очередную книгу. Большинство здешних людей, читая книгу, могут своей мимикой выражать все, что написано. Не знаю почему, но в коктейле всего этого с интеллектуальной тишиной я вижу их насквозь и

ощущаю некие эмоции, которые своеобразно удовлетворяют меня. Или, скорее, я испытываю наслаждение от всех этих эмоций.

Я работаю здесь кем-то вроде официанта-библиотекаря. Вернее – подрабатываю. В мои обязанности входит выдача посетителям желаемые и доступные книги для чтения, а так же приносить им их заказ. Мне подвластна огромная библиотека и море свободного времени в тишине. За время работы здесь я понял, что ни одна библиотека в городе не сравнится с этим кафе по объему литературы. Самое странное было то, что дефицит книг напрочь отсутствовал. Глупая тавтология, но я привожу эту метафору с целью передать тот объем книг, к которому я даже и не приблизился.

Это кафе находилось в старой части города, где так много влюбленных пар прогуливаются по брусчатке, и уже не одно столетие признаются друг другу в искренних чувствах. Внешне кафе выглядело очень изношенным. Но эта изношенность находилась в допустимых пределах и создает стиль ретро. Внутри все было аккуратно. Везде чисто. Приглушенный свет ламп добавлял уюта и теплоты в эту атмосферу. А музыка Моцарта, Малера, Баха и других классиков давала возможность отдохнуть посетителям и эмоционально. Платили здесь мне сущие копейки. Но сама атмосфера этого места давала мне больше, чем какая либо работа и деньги. Человек в своей сущности рожден рабом, как бы печально это не звучало. И даже, когда он считает себя свободным – он

еще более раб. Ведь чтобы просто поесть, не достаточно одного воздуха, и приходится работать или искать другие пути к пище, деньгам. Но я не считаю лень свободой. Нет. Я хочу лишь донести читателю, что человек нашего века не удостоил чести для своей души, чтобы найти хотя бы самую малую часть своего времени для нее, для души. Чтобы прислушаться к своему сокровенному нутру и просто послушать пение сердца. Люди находятся в вечной заботе и постоянной спешке. И в кафе, в этом малом кусочке моего мира, нет ничего, что могло бы помешать слиянию с душой. Здесь даже нет часов. Их не повесели с целью объяснить человеку, что Твое время есть Твое и только. Кругом стоят шкафы с широкополыми полками, на которых красиво стоят самые исчерпывающие источники знаний – книги. Здесь даже есть крутая винтажная лестница, которая ведет на второй этаж с еще большим количеством книг и балконом, где весной ветер лишь приветствует тебя и улетает вдаль, как и твои мысли.

Заказ посетителям всегда подается с книгой, за аренду которой взимается процент. Но только в том случае, если посетитель взял какую-нибудь литературную новинку. А если же он не заказывал книгу, то для него подбирали книгу, которая больше всего подходила именно для этого посетителя. И даже, если он не хотел ничего читать, то у него все-равно возникало желание взять эту книгу и, в итоге, он ее читает. Самое странное, для меня, из всего этого был выбор книги.

Я подходил к полкам и нутром, интуитивно ощущал, какая книга больше всего подойдет именно этому человеку. Порой я не отслеживал, как книга оказывалась у меня в руке. Она сама звала меня и падала в руку. Книга всегда сама выбирает своего читателя. И когда у Вас возникает чувство, что именно эта книга нужна была в данное время, то знайте, что не Вы ее искали, а Она Вас. Весь этот литературный дух оживает, приобретая корешок и обложку. Писатель всегда вкладывает часть своей души в буквы, слова, метафоры. А книга, как физическая оболочка является телом. Всматриваясь во всю эту логическую цепочку можно увидеть, что книга – это лучшее живое творение человека, даже существо, если угодно, и она является неотрывной частью всего общества. Так сложилось для меня, что весь ассортимент бесплатных книг, честно говоря, намного интереснее. Наверное, отчасти, потому что большинство из них – классика. Большую часть своего рабочего времени я провожу за книгами или же, при наличии интересных посетителей – рассматриваю их. И лишь самую малость времени я работаю. Так что, я считаю, что оплата моего «труда» более чем удовлетворительна. Тем более что я имею практический доступ к бесценной информации, и, кроме того, я не нуждаюсь в покупке книг. А заработанные деньги я трачу на проездной, всякие нужды и на реализацию небольших желаний. Мне даже удается копить на большие желания и цели. В свободное от работы и учебы время я пишу. Пишу что-то схожее с автобиографичным

дневником. Иногда я пишу даже в кафе и на учебе, если лекция скучная или я попал под эффект вдохновения. А в кафе я пишу только при отсутствии посетителей, как таковых. Хозяин кафе мне не мешает писать. А вот здешние посетители обладают невероятной силой мысли, которая может пробить мой тонкий череп и посеять в голове чужую идею. Это ощутимо, когда я сосредотачиваюсь. Так что это место лучше использовать для отдыха.

В кафе я замечаю много постояльцев. Такое впечатление складывается, что только они туда и ходят. Они не ведут бесед ни с персоналом, ни с другими посетителями. Они просто тихо, молча отдыхают. Все наши постояльцы очень талантливы. Я не знаю как, но каким-то образом это место привлекает талант. По внешнему виду можно сразу определить, кто из них писатель, кто музыкант, а кто художник. Есть даже и одна очень известная личность. Это один наш местный писатель, которого знает, наверное, весь мир. Честно признаюсь, я не прочел ни единой его строчки. Я не люблю его. Но не люблю по-доброму. Я ведь тоже писатель. И мои чувства к нему – это, скорее, амбициозная конкуренция. Странно получается. Конкуренция должна основываться на чем-то, а в моем случае я даже и в глаза не видел его произведений, чтобы иметь хоть какое-то представление в разности между нашими стилями. И даже еще не факт, что у меня есть стиль. Все это до боли смешно. Я чересчур инфантилен и глуп. Тем не менее, отдавая себе отчет в своей глупо-

сти, я принципиально не читаю его произведений. В колледже большинство студентов хотят приблизиться к нему хотя бы на километр, чтобы увидеть его воочию. А я со своими холеными принципами, заносчивостью и гордостью, надув немного губы и считая себя гением, сидел с ним в нескольких шагах. Он часто бывает у нас. И наши постояльцы, видимо, тоже считают себя в чем-то гениальными, но при этом имеют уважение и приветствуют его, кивая головой. «Лишь истинные таланты могут признавать талант других», – думал я и надеялся на то, что я просто еще не вырос.

И в один прекрасный день этот писатель пришел снова в кафе. Я его увидел еще сквозь окно, на улице, когда он проходил мимо. Он заметил меня, но я быстро отвел свой взгляд и сразу почувствовал стыд. О, как я низко себя вел. В первую очередь – не уважая себя. Он зашел с наступлением заката. Хорошая картина запечатлелась в моем воображении. Кафе находилось в возвышенной части города. Отсюда прекрасно видно уставшее Солнце, которое закатывалось и оставляло после себя красочное зарево, каждый раз разное и особенное, которое длилось лишь мгновение. Я смотрел в окно, оторвавшись от книги, наблюдал за минувшим закатом. Зарево окутало горизонт старого европейского города. И пока я умилялся красотой этой картины, появился он. Загадочный, молчаливый, харизматичный. У него отличный вкус в стиле моды. В этот раз он пришел в стильном черном рваном по краям пиджаке и в светлых джинсах. На ногах его

были обуты белые Converse All Star, а на голове красовалась элегантная дизайнерская шляпка. Я признавал в нем оригинальность и его вкус, но никак не хотел верить в его талант, хотя я всегда чувствовал всю силу и многогранность его писательского стиля, как только замечал его в дверях кафе. И вот он шел за окном по старому городу и нес в себе никому не известную тайну. Он шагал по брусчатке сквозь маленькие узенькие улочки и его взгляд, упавший на меня, ознаменовался огненно-красным заревом вдали за ним. И этот взгляд, будто он предвестник всего, он знает и видит тебя насквозь.

Он зашел и присел у другого столика у окна, по той же стороне, где сидел и я. Он был перед моими глазами. Я невольно рассматривал его лицо. Он довольно уже солидного возраста – немного за шестьдесят. Его взгляд был устремлен на улицу, куда-то в небо, сквозь крыши домов и кроны деревьев, или, может, в ближайшие горы. У него очень светлые глаза, серые, светло-серые. Я не отследил, как стал проводить параллели с собой, и как только я заметил большую часть общего с ним, он взглянул на меня, ощущая на себе мой взгляд. Я быстро очнулся и потупил взгляд в «Норвежский лес» Харуки Мураками.

Почему-то мне захотелось поговорить с ним.

Через минуту, не замечая строк в книге, я погрузился в себя и перевел взгляд в окно, на улицу. Заревое уже рассеялось по небу и отдало все свои цвета небу и тем, кто его ви-

дел. На улице загорелись фонари, стоявшие на одной ножке у дороги. В это время суток окна кафе превращаются в глубокие зеркала. В одно время изображение улицы смешивается с отражением нутра кафе, и создавалось ложное сочетание, будто ты находишься на улице.

В момент своей задумчивости я почувствовал некое движение подле себя и повернул интуитивно голову. Напротив меня присел, устремив пристальный взгляд в окно, этот местный писатель.

Мы сидели за одним столом друг напротив друга, молча продолжительное время. Я не засекал и не замечал, но это продолжалось бесконечно долго. И пока он смотрел на улицу или любовался собой в отражении, я рассматривал его лицо вблизи. Аккуратно подстриженные седые волосы, и множество мелких мимических и возрастных морщин, нагнали на меня чувство чего-то родного со мной, или, скорее, схожего со мной в этом человеке, что еще больше разозлило меня.

– Посмотрите на них. – выпалил писатель, продолжая смотреть на улицу сквозь окно. Еще не сильно стемнело, и фонари хорошо освещали дорогу, что можно было достаточно четко рассматривать проходивших мимо людей. – Куда они все идут? Или же – откуда? – продолжает писатель. – Все они идут за деньгами, за целью, но не за мечтой. Как это странно. Вам не кажется?

Но я сидел молча, надеясь, что молчанием смогу показать

деликатность и красоту своего ума.

– Все это глупо! – продолжал писатель. – Они все превращают свою мечту в деньги, свою душу в материю. Но ведь не все же деньги! Да, бесспорно, деньги открывают много путей, чтобы дать человеку желаемое, возможно и мечту. Но как по мне, если мечту можно приобрести за деньги – это уже не мечта, а что-то вроде цели или пункта плана. Большинство людей, называя свою мечту, видят конечный итог в виде денег. Но ведь должно же быть что-то больше?! Мы рождаемся, а когда взрослеем, нам прививает общество желание и стремление обогатиться, а все остальное сторают внутри нас. От этого все несчастья. Истинные, настоящие люди – это дети, способные радоваться мелочам и стремящиеся познать и почувствовать окружающий мир. Мы рождаемся, и затем медленно, но уверенно деградируем. Лишь ребенок способен видеть мелочи и чувствовать настоящую эйфорию от личных открытий. Взрослея, мы жертвуем не оболочкой, а душой, обменивая ее на деньги, и уничтожаем в себе не только человека и частичку Бога, но и "золотое зерно", которое уже никогда не прорастет. И взамен мы покупаем весь этот убогий хлам, приобретая ущербность и считая себя при этом особенным.

Писатель говорил все это спокойно, четко проговаривая каждое слово, смотря в окно, и лишь мгновениями оборачивался в зал с целью удостовериться, наверное, что никому

не мешает из посетителей. – Между прочим, Вы, наверное, слышали или, я уверен, читали американского гения Чарльза Буковски? Я лишь кивнул головой в знак согласия. Этот автор один из моих любимых наряду с Достоевским, Маркесом и Миллером. – Так вот, если Вы помните, то Буковски писал: – "Если бы я писал для кого-то, я никогда не стал бы тем, кем являюсь". Это человек, который большую часть своей жизни прожил в нищете и на минимальные хлеба, жертвовал всем ради своей души. Сейчас мы редко можем встретить человека, который живет творчеством, и время от времени создает свою личную идею. Он вынашивает плод искусства с радостью, пронося его через внутренние боль, страдания и мучения. Это прекрасно! Не правда ли?

Я сидел и внимал. Как хорошо, когда у тебя есть такой дар, как умение слушать. Этим ты притягиваешь к себе доверие людей и, в дальнейшем, их истории жизни. Для писателя такой дар, как наживка для рыбы. Согласен, плохое сравнение, но я ведь еще только начинаю...

– Всю свою жизнь я пытался найти себя, свою миссию в этом мире, – продолжал писатель. – Я пробовал многое, но только то, что было близко моей душе, и никогда не задумывался о деньгах. Отношения с друзьями, близкими, всегда разрушались. Меня никто не хотел понимать, а я не смог подстроиться под них. Колледж оказался не пустой тратой времени, если брать во внимание уютную библиотеку, где я часами напролет просиживал за книгами, временами даже

без малейшего перекуса. На сидячей нудной работе я написал свой первый роман, в котором нашел отображение своих взглядов сегодняшнего мира с отсутствием любви у людей к миру и к жизни. Однажды я закрылся и узнал, что и без моего участия жизнь идет дальше вместе со временем и людьми. А я был рад, что мог наблюдать за всем и всеми со стороны. Бывали дни, когда я разговаривал с самим собой больше, чем с реальным человеком. И это вошло в привычку, которая напрочь выбила желание и потребность в общении с людьми. Вот тогда я научился слушать. Я стал урной для человеческих историй. Они сами приходили ко мне и рассказывали все в подробностях и мелочах. А после... А после я брал ручку, блокнот, и, меняя все, кроме сути, выписывал на бумаге. Если бы не два этих атрибута в моей жизни (ручка и блокнот), я бы, наверное, просто сошел с ума, или уже...

Он запнулся на мгновение, будто вспоминал что-то, уставившись в окно.

– И все же, я был там. Я сошел по высокой темной лестнице с вершин моих сознательных мыслей и потерял способность адекватного восприятия всего мира и системы Вселенной. Одиночество сделало свое дело. Я ходил по дну своей урны в купе чужих историй. А под ногами у меня был мокрый мерзкий осадок воплей несчастных. Как странно, но человек никогда не делится счастьем. Он может выпустить лишь негатив и пойти себе дальше по незримой тропе своей жизни. Когда меня опубликовали впервые, я находился в

длительной эйфории и захотел поделиться своим счастьем с другими. Но, как оказалось на практике, я не смог сказать и слова, со стороны, со своим счастьем, я казался еще более сумасшедшим, чем, когда молчал. Женщины любили мою улыбку, но, в результате, не смогли ее обуздать. Я молча любил и тихо мечтал о часах творческого одиночества, где я мог быть самым собой. Где я мог увлеченно смотреть на листок березы и, со слезами умиления, благодарить Бога за то, что я могу узреть этот момент и насладиться им. За то, что весь этот мир красив и таинственен, за то, что я в нем, в этом мире, вместе со всеми этими абсолютно разными людьми. И как это прекрасно, что я не один такой, кто может любоваться закатами Солнца, ища во всем этом трогательный смысл и знать, что истинная миссия каждого из нас в этом мире – это уметь наслаждаться жизнью.

После этих слов старик перевел взгляд на меня и устремил его в мою душу. Я подался слегка вперед, повернул голову вправо и увидел в отражении окна кафе, что напротив меня никого нет за столиком, а на моем месте сидит этот старый писатель, каким стал я и остаюсь.

Я встал, накинул шляпу, вышел из кафе, и больше никогда не возвращался.

Падение немых уст

– Добрый день, Анатолий Петрович.

– Ах, Виктор Константинович, добрый, добрый. – подняв глаза ответил главный редактор журнала.

Затем добавил:

– Что вы хотели?

– Да я вот хотел рассказ для публикации предоставить. Конечно, сначала для обозрения. А уж там дальше сами решите. Мне просто нужно с кем-то поделиться.

– Берин, вы всегда были скромны. Но сейчас уж чересчур.

– И все же...

– Конечно, конечно давайте. Я взгляну. И более того. Даю огромный процент, что этот рассказ напечатают. Ваш последний сборник рассказов «Промежность лжи» – это что-то. Выше всяких похвал. Очень сильные мысли.

– Спасибо... Сколько?

– Тридцать процентов.

– Я рад, что вы хороший прогнозист. Но мне нужны деньги.

– А вот грубить не обязательно. Хотя я вас понял.

– И все же...

– Вы же знаете наши расценки?

– Не тяните.

– Простите. Но исключительно для Вас десять процентов сверху.

– С чего такая щедрость?

– Журналы с Вашими рассказами и повестями продаются с большим успехом. И если вы продолжите в том же духе, у нас будет возможность увеличить тираж до сорока тысяч в неделю.

– А мне что от этого?

– А Вам лишь бы деньги... Двадцать процентов сверху.

– Пятьдесят.

– Вам бы о славе подумать. А вы все о деньгах.

– В противном случае меня напечатают в «Калейдоскопе».

– Нет, ну это неслыханно. Вас тут, можно сказать, родили и вырастили... А вы... А вы о деньгах думаете...

– Пожалуй я пойду.

– Сорок...

– Пятьдесят и по рукам.

– А вы еще тот злодей...

– До свиданья.

– Пятьдесят, так пятьдесят, – растерянно улыбнулся редактор, отсчитал деньги, положил их на край стола и протянул руку.

– По-моему вы рукой где-то вымазались...

– Где? – редактор устремил свой удивленный взгляд на правую кисть. А когда поднял глаза на дверь – увидел, как она закрылась. А на краю стола вместо купюр лежала стопка

рукописей.

Берин спустился с третьего этажа редакции и отправился к реке Днепр. Жаркий июль не давал покоя людям даже в тени. У набережной он нашел свободную лавчонку в тени дуба, присел и устремил свой взор в нескончаемую даль. А мыслями погрузился в беспредельную глубину. Все оставалось на своих местах. Жизнь плывет. А события идут своим чередом.

Он просидел буквально полчаса и почувствовал что-то особенное. Что-то чуждое и не понятное. Он тихонько встал и на него насрала чайка. Помет скользнул по белой рубашке и оставил мокрый густо-белый след длиной в пару-тройку сантиметров. И затем, пролетая, задел бежевые брюки. У него в очередной раз возникло ощущение, будто все это уже было – ощущение так называемого дежавю.

– Прекрасно. То, чего я и хотел. То, чего я и ожидал. – громко произнес Берин. – А сейчас ко мне подойдет девушка в шляпке и предложит салфетку.

– Держите – невозмутимо протянула салфетку девушка в шляпке.

– Спасибо... – растеряно поблагодарил Берин. И у него снова возникло это ощущение. Снова дежавю. Он вытерся и поднял слегка уставший и расстроенный взгляд на даму. Красивые русые длинные локоны волос, отличная грудь и фигура в целом. «Возраст и время позволяют. Или же спутник способствует. Но я ее уже где-то видел. Или же просто

был знаком. Странное чувство...» – подумал Берин. Сарафан с изображением колосков, шляпа с широкими полями с живой розой и, едва заметные из под сарафана, легкие босоножки на невысокой платформе, а в руках небольшая сумка.

– Простите меня за возможную невнимательность, плохую память и рассеянность. Но... Мы раньше не встречались? – обратился он к девушке.

– Прощаю... Нет – заулыбалась девушка.

– Жаркий день.

– Очень.

– Мне кажется, нам будет легче в «Нептуне». Он на воде находится. Речной, свежий воздух в такую погоду – незаметные лекарства от жары.

– Вы правы...

– И все же вы не сказали «да».

– И все же я не сказала «нет».

– И то, правда.

Они прошли по набережной под ручку к деревянному мостику. Который с песка переходил на воду, и подводил посетителей к главному входу в ресторан. Был еще один. С пирсом, с другой стороны. В этот вход можно было подъехать на яхтах, катерах и лодках. Берин зашел со спутницей и осмотрелся. Он моментально увидел свободный столик и направился к нему. Они присели напротив друг друга и в момент к ним подошел официант.

– Вы будете вино? – спросил Берин у девушки.

Та кивнула.

– Можно я попробую?

Девушка снова кивнула и улыбнулась.

– Posada Del Rey, полусладкое белое. Два бокала по две-сти, пожалуйста. И мороженное. Девушке шоколадное и мне ванильное.

– Конечно – принял заказ официант и мигом отправился его осуществлять.

– Как вы... – начала было девушка.

– Я все знаю. Не знаю почему. Но знаю. Меня сейчас очень сильно последнее время тревожит это чувство. Так называемое – дежавю.

– Так у Вас есть дар предвидения. – заулыбалась девушка. – Или же вы просто хорошо разбираетесь в людях.

– Особенно в женщинах.

– Скорее... – девушка смотрела заинтересовано на Берина.

– Это не дар. Это, скорее, просто хорошо развитая интуиция.

– Вы считаете, что люди не рождаются с хорошей интуицией. Но могут ее в себе развить?

– Я считаю, что можно родиться с даром предвидения, а интуицию и без того можно развить. А вот если человек родился без дара предвидения, то его он никак в себе не разовьет.

– И все же я считаю, что вы просто очередной женский

поклонник. – ехидно улыбнувшись сказала девушка.

– Это исключительно Ваше мнение. Но послушайте меня.

Послушайте, что я Вам скажу. – серьезно сказал Берин.

– Я вся во внимании – не унималась девушка.

– Вы ко мне подошли не просто так. Вы прочитали два моих сборника рассказов. Причем один из самых первых под названием «Поле не рожденных...». И еще вы прочли мой единственный роман «Камнем в солнце». Вы знаете, кто я. Вы видели мои фотографии в публикациях журналов. А еще, вы сегодня ушли от своего мужчины. Он был богат, но скучный и нудный «как мешок с дерьмом». Вы так ему и ответили после очередной ссоры, уходя из его дома. О чем вы теперь немного жалеете.

«Что же это со мной. Это не я говорю. Я не хочу этого говорить, не из-за отсутствия желания, а просто потому что я не мог этого знать.» – подумал он и разнервничался.

– У меня просто нет слов... – сказала девушка. – я бы стала аплодировать вам, но мое тело сейчас не в состоянии что либо сделать.

«Как-то неловко вышло. Я ее напугал». – подумал Берин.

– Послушайте... Простите. Я себя не очень хорошо чувствую... – встал Берин из-за стола.

– Успокойтесь. Все нормально. Выпейте вина лучше. Остыньте...

Как раз подошел официант и выставил заказ на стол.

– Вы правы. Простите за излишнюю эмоциональность.

Просто меня это состояние порядком достало. Это дежавю. Оно везде меня преследует... Знаете, жизнь интересна многими своими прелестями. Но самая интересная ее прелесть в том, что мы живем, не зная, что же произойдет в следующий момент. А когда человек знает и может что-то изменить – пропадает интерес к жизни, как таковой и, что самое главное, вкус. Вот предсказатели получают информацию задолго до свершения событий. А я получаю информацию за секунду до того, как начинаю понимать, что это где-то я уже видел.

– Необычное дежавю...

– Не то слово. – отпил вина с бокала Берин. – Прекрасное вино. У вас хороший вкус.

– Да. Нельзя сказать, что вы угадали, так как вы все знали.

Но впечатление вы произвели замечательное.

– Я и сам на себя произвожу впечатление.

– Это вас сильно беспокоит?

– Да уж. Очень... Но тяжело самому разбираться с этим...

– Я могу Вам посоветовать хорошего психоаналитика...

– Спасибо... Но не нужно...

– Этот человек знает свое дело. Он специалист по призванию. Тем более, вы сказали, что в одиночку Вам тяжело разбираться с этим. Мне кажется, хуже не станет...

– А вы еще тот оптимист... Умеете поддержать...

– Вы забавный...

– Жена так тоже говорит.

– Повезло...

– Да, мне очень повезло.

– Может быть. Но я не о Вас говорила...

– Простите...

Они допили вино и разделались с мороженым. Немного посидели в простой и задушевной беседе. Встали и ушли. Вышли на набережную. Подошли к забору и стали смотреть на закат.

– У Вас красивый профиль... – кокетливо начала девушка.

– А у Вас не только профиль.

– Спасибо...

– Я по сути ничего не сказал.

– Правда никогда ничего не говорит...

– А вы знаете себе цену.

– Это было грубовато с вашей стороны.

– С моей стороны всегда грубовато, а вот с Вашей правдиво.

– Я не обижаюсь... – улыбнулась девушка.

– Я тоже.

– Вы не простой человек и Вам будет не просто с Вашим вопросом.

– Жизнь моя тоже не проста.

– Я Вам тут написала номер этого психоаналитика. Он Вам поможет. Я более, чем уверена. – протянула девушка аккуратно сложенную салфетку пропитанную ее парфюмом, который моментально ударил в нос Берину своей свежестью.

– Спасибо... Буду иметь ввиду. – потянулся за салфеткой

Берин, но девушка резко ее одернула.

– Одна просьба... – попросила девушка.

– Секс не предлагать – сказал Берин.

– Хоть мне и жаль, но вы высокого о себе мнения.

– Вы тоже...

– Ладно. Мне нужно не это...

– Тогда я, возможно, помогу Вам.

– Да. В этом вы мастер. Мне бы автограф Ваш на сборнике.

– Это – с радостью.

Девушка выудила из сумки тонкую книжку в красном переплете с надписью «Падение немых уст». И протянула ее Берину.

– Что это?

– Это Ваш второй сборник рассказов. Он у меня самый любимый. Такой чувственный.

– Вы меня с кем-то путаете. У меня нет сборника с таким названием.

– Но как же... Откройте. Там, на первой странице, ваша фамилия и инициалы, а также краткая биография. А на второй Ваше фото и крылатая фраза «Двумя руками мне душу твою не обнять».

– Ладно... -он открыл книжку и убедился. – Простите, я что-то не в духе.

– Ничего.

– Ручку можно?

– Я хотела бы, чтобы вы своим вот этим пером расписались. – девушка указала на перо в нагрудном кармане рубашки.

– Если не засохла от такой жары, тогда будет Вам счастье.

Берин достал перо. Расписался и добавил: «Любовь всегда в руках нищеты».

– Спасибо Вам огромное. Возьмите телефон. Может, все-таки пойдемте ко мне... – начала девушка и протянула салфетку.

– «...я Вам кофе налью» – продолжил он и взял салфетку. – Вы это хотели сказать?

– До свиданья. – испуганно произнесла девушка. Медленно развернулась и под порывом легкого вечернего южного ветра зашагала прочь по набережной.

«Что же это за сборник такой. Я его совсем не помню. Все произведения помню, а тут целого сборника не помню. Вернее названия... Еще это состояние. Как тяжело и скучно все это осознавать...» – думал Берин сидя в кресле утром рядом с распахнутым настежь окном, к которому он сидел правым плечом. А перед ним стоял маленький журнальный столик. Он повернул голову вправо и, смотря в проплывающие по небу облака, искал новые идеи в своем воображении. Через час пришла жена с разносом. На котором стоял кофе с зефиром.

– Позавтракай, пожалуйста. На пустой желудок в голову ничего не придет, милый.

– Ты как всегда вовремя. – повернул голову в ее сторону Берин и заулыбался. – Поставь, пожалуйста, на столик, любовь всей моей жизни, а я разберусь.

Он выпил кофе и съел зефир.

– Замечательный кофе. Как у нее это получается? Еще и любит меня. Повезло же мне. – обращался к себе Берин.

Он встал, взял разнос и, обходя столик возле окна, он поскользнулся на коврик и уронил чашку, что та разбилась о пол, на котором спит их такса. Это неизменное место их собаки. Когда лето и жарко – она лежит там, поближе к окну, и охлаждается под дуновением ветра на четвертом этаже, а когда зима и холодно, она греется теплом, исходящим от батареи.

«Снова это дежавю. Я все это уже видел, но не смог ничего сделать. Так. Надо звонить этому психоаналитику. Может, он мне поможет. И Луизе нужно сказать, чтобы коврик убрала...»

– Луиза! – крикнул он жене, смотря в потолок. – Я разбил чашку. Поскользнулся на коврик, она упала и разбилась...

– Чего ты орешь? – Луиза стояла в проходе со сложенными на груди руками.

– Ой... – рассеяно улыбнулся Берин.

Берин набрал указанный ручкой на салфетке номер.

– Алло? ДА?

– Это психоаналитическое учреждение? – спросил Берин.

Так как не было указано имя специалиста.

– Можно и так сказать.

– Мне Вас посоветовали... И я, уж простите, не знаю Вашего имени.

– Павел... Павел Николаевич.

– Павел Николаевич, я могу к Вам попасть в ближайшее время.

– У меня все занято на неделе.

– Мне очень нужно. Просто, я боюсь, что только вы можете указать мне выход или хотя бы дать ответ...

– Давайте так. Если вы успеете через двадцать минут прийти ко мне, тогда у нас будет час и все получится обсудить.

– Где вы находитесь?

– Бульвар Шевченка 41. Эта сторона дома расположена окнами к памятнику Воинам-авиаторам. Но вход находится со двора. Второй этаж, направо. Не потеряетесь.

– Так это в десяти минутах от меня.

– Жду Вас.

Берин обулся и вышел по указанному адресу. В спешке, с желанием поскорей избавиться от этого состояния, или хотя бы узнать ответ, он пришел через пятнадцать минут. Что не нарушило его пунктуальности, но слегка задело личную самооценку. Ведь он говорил, что за десять минут доберется...

Большая деревянная дверь, он нерешительно постучал.

– Кто там? – голос внутри спросил моментально.

– А я к Павлу Николаевичу.

Открылась дверь, за которой в углу сидел пожилой мужчина.

– Проходите, Вас ждут.

– Спасибо – поблагодарил старика Берин.

Берин поднялся на второй этаж и свернул направо. Еще одна деревянная дверь, но поменьше. Берин постучал.

– Входите – сказал голос за дверью.

Он вошел и увидел перед собой полноватого брюнета в очках и в сером классическом костюме.

– Виктор Берин? – обратился мужчина.

– Ага. Он самый.

– Какая честь. – заулыбался специалист.

«Странно. Мужчина мне очень знаком. До того, как он заговорил, я уже слышал его голос. Что со мной происходит?» – спрашивал себя Берин.

– Присаживайтесь. Рассказывайте – предложил специалист.

– Спасибо – он присел в кожаное кресло и начал. – Павел Николаевич, в общем, моя проблема очень мне неясна и я хотел бы получить хотя бы ответ, если с помощью не получится.

– Я слушаю... – внимательно всмотрелся в Берина специалист.

– Понимаете, я вечно нахожусь под действием дежавю. Но это дежавю меня пугает. Будто все это со мной уже происходило. Вот и Вас будто вижу я не впервые. И не только с людьми у меня такое чувство. А во всем. Во всех ситуациях. Даже, простите, в сексе с женой. Оно конечно и в руку, знать, что она сейчас кончит, но мне не по себе от этого, если честно.

– Очень интересно.

– Еще бы. Я сам шокирован. А еще недавно повстречал женщину на улице и она попросила подписать меня для нее красную книжку. Мол, это один из моих лучших сборников рассказов. Но я даже не знаю этого названия. Я не помню, чтобы у меня был такой сборник.

– Красный говорите?

– Да, красны-красный.

– Такой? – спросил специалист и достал из ящика стола такую же красную книжку, как и у той девушки.

– Точно... Это она... И название тоже...

– Естественно. Как по мне – один из лучших Ваших сборников.

– Спасибо, но он мне не знаком, Вообще...

– Интересно... Головой не бились? – спросил специалист.

– Вы смеетесь?

– Нет. Это моя работа. Задавать подобные вопросы. Я же должен разобраться...

– Простите. Та нет... Стоп. Точно. Я же... Меня же ма-

шина сбила... И я ... Я упал на асфальт и потерял сознание. А в больнице сказал врач, что я получил легкое сотрясение мозга. – Берин вспомнил.

– Как давно?

– Может пол года назад. Да. Даже немного больше...

– А как давно Вас преследует чувство? Часто ли болит голова?

– Даже толком ответить не могу Вам. Знаете, приблизительно пол года. А голова не часто беспокоит. Может изредка. Как у всех людей.

– Тогда все понятно. Видимо, удар пришелся на отделы головного мозга, которые отвечают за мышление, память и восприятие окружающего мира. Некоторые небольшие временные отрезки вы не в состоянии вспомнить. Такие случаи довольно часты. И ваше состояние может длиться и до года. Не исключено, что, возможно, завтра вы проснетесь уже без этого чувства. И сами не заметите, как оно покинет Вас. – уверял его специалист. – Еще успеете соскучиться за этим чувством. – засмеялся Павел Николаевич.

– В какой-то степени Вы меня успокоили.

– И, послушайте, не нужно напрягать сейчас память. Не старайтесь вспомнить про этот свой сборник. Память вскоре вернется, и вы все поймете. Поменьше умственной деятельности, по больше отдыхайте, придерживайтесь постельного режима. И ложитесь спать вовремя. Лучше пока отложить писательскую деятельность, чтобы избежать головных болей

и не заработать мигрень.

– Спасибо, Павел Николаевич, вы мне очень помогли. – Берин встал и расплатился за прием.

– Простите. – обратился к нему специалист. – Могли бы тут черкнуть мне в книжке. Жена очень просила. Но на Ваши чтения я не могу попасть. А она обижается на меня. И тут такая удача. Пожалуйста. – попросил специалист.

– Да, конечно. – Берин снова присел и достал перо.

– Только, можно вот здесь. – Павел Николаевич перевернул книгу и раскрыл ее с конца на оглавлении. – Вот здесь, пожалуйста.

Берин застыл и стал всматриваться в оглавление. «Старенький жигули. Больничная койка. Верный Александр. Застенчивость. Свободный от счастья. Писатель, как ремесло. Posada Del Rey. Падение немых уст». – прочитал он в уме оглавление. Потом взялся за перо и стал писать автограф.

– Вы знаете, – обратился к нему специалист, – самый лучший рассказ – «Верный Александр». Вы действительно поругались со своим другом из-за своей эгоистичности, которая, по вашим словам, «вредит Вам хуже некуда».

– Да уж. Было такое. Уже месяца три не разговариваем. Смешно и печально.

– В смысле? Я что-то не понял....

– Вы о чем? – спросил Берин.

– Но ведь этому сборнику уже почти два года.

У Берина закружилась голова. Он кинул перо на стол

встал шатаясь. Посмотрел в окно по правую сторону своего плеча.

– С Вами все хорошо? Может воды?

– Да, пожалуйста.

Павел Николаевич налил стакан воды с графина. Берин выпил весь двумя глотками.

– Спасибо. – поблагодарил его Берин.

– Это у Вас из-за книги? Да?

– Ага. Что-то голова закружилась после увиденного содержания.

– Может, возьмете и прочтете. Мне кажется – тогда все станет на свои места в скором времени. Даже, может быть, сразу после прочтения. Видимо не просто так вы забыли именно этот сборник.

– У меня нет такой привычки. Перечитывать свои произведения.

– Принципиально? – спросил специалист.

– Принципиально... – ответил Берин.

– Послушайте, но вы же хотите получить ответы на свои вопросы?

– Да, но...

– Вы же хотите избавиться от своего неловкого состояния? – перебил Берина Павел Николаевич.

– Да, конечно... – опустил голову Берин и задумался. – Хотя... Да, вы правы... А можно у Вас взять? А завтра я Вам занесу этот сборник вместе со своим подписанным романом

для Вашей жены. Ну как? Идет?

– Конечно. Это даже лучше, чем я могу представить. Жена обрадуется. И на крыльях счастья отблагодарит меня вечером. – засмеялся специалист, закрыл книжку и протянул ее Берину.

– Спасибо, огромное. – поблагодарил он специалиста. – До свиданья. – Они попрощались крепкими рукопожатиями и Берин вышел на улицу .

Берин направился к набережной. Там сел на лавчонку под дубом и обливаясь холодным потом не мог открыть книгу. Им что-то панически овладело. Он не понимал почему не может открыть ее и почитать. На улице шумно и много народу. "Может из-за всего этого шума я не могу прочитать?" – подумал Берин. Ему стало ужасно страшно и холодно хоть на улице и было тридцать пять градусов по Цельсию в тени. И он решил тогда: "Так. Соберусь с мыслями и пойду домой. Там в спокойной и тихой обстановке сяду и прочту. Точно".

Берин встал и направился домой. Пришел, разулся и мигом уселся поудобней в кресло. Глубоко вздохнул и открыл книгу. Закрыл глаза, снова глубоко вздохнул и прочитал первую строчку первого рассказа "Старенький жигули" – "Когда я понял, что потерял весь свой внутренний смысл, я вышел на улицу и направился к набережной...". Он прочитал первый рассказ и понял, что в нем описываются события, когда его сбила машина. Причем описываются они до того, как все это произошло. Он ужаснулся и отбросил свою

книжку. В голове у него пролетела картина с происшествием в самых мельчайших подробностях. Он просидел час в сомнамбулическом состоянии. Потом очнулся, поднял книжку и продолжил читать. Рассказ "Больничная койка" поведал ему о недельной коме в больнице, после происшествия. И Берин снова ужаснулся. Ведь эти события произошли после того, как он все это написал. Он был шокирован. "Как же так получается? Я ничего не делаю специально. Но все получается по этим рассказам. Я будто живу ими... Да нет... Бред какой-то. Ахахах, вот это умора". – подумал он и рассмеялся. Затем он взял и стал в спешке перелистывать страницы. Потом резко отшвырнул книгу в испуге. Она упала, открывшись на начале рассказа "Posada del Rey". Берин поднял книгу и стал читать. В этом рассказе он прочел о встрече с девушкой, которая дала ему салфетку и номер телефона психоаналитика. Берина стало тошнить и закружилась голова. Он пошел и проблевался в туалете. Он не понимал, что происходит. "Да сколько можно? Что же это, я свою судьбу написал в сборнике или ее часть? Или может я живу просто этим сборником рассказов?" – спрашивал он себя. "Интересно, а что же там в конце всей этой эпопеи?" – задался вопросом Берин и пошел в зал за книгой. "Так, последний рассказ". – подумал он в поте лица и открыл книгу на последнем рассказе "Падение немых уст". Он читал в судорожной дрожи своего тела, ведь в этой главе описывался его поход к психоаналитику и весь их диалог был написан слово в слово. "Неужели я схожу

с ума. Я сумасшедший..." – сказал вслух Берин. Он закрыл книгу не прочитав последние две страницы. "Что-то ужасно жарко и душно. Нужно открыть окно" – вслух сказал Берин и пошел открывать окно. Ручка на окне задела и окно не могло распахнуться. Затем Берин приложил больше сил, окно распахнулось настежь с порывом сильного вечернего ветра. Руки Берина провалились, тело подалось слегка вперед, ноги поскользнулись на коврик таксы и весь Берин перевернулся через подоконник и встретился головой с асфальтом. Пока он пролетал три этажа, перед его глазами мгновенно пронеслось все забытое. Берин увидел, как он на машинке напечатал этот сборник рассказов в полной нищете, в полуразвалившемся доме. Увидел, как этот сборник принес ему славу и достаток. Увидел, как встретил жену и однажды рассказал ей об этом сборнике. И увидел, как он говорил своей жене, лежа в постели, о славе, которую он вкусил после долгих лет нищеты:

– Знаешь, дорогая! Я так все это сильно прочувствовал...

– Что именно?

– Свое восхождение... И знаешь, чего мне хочется больше всего?

– Чего же?

– Забыть все это и снова испытать на себе эти прекрасные ощущения... И в последний момент у Берина пронеслась мысль в голове: "Где-то я это уже видел..."

Обреченный

Неизвестно где в пустыне, на раскаленном песке, он умирал под жестоким солнцем.

– Все, не могу больше. Устал я идти, ползти, карабкаться к жизни. Нет больше сил моих. Я лежу здесь. Как лакомый кусочек для смерти. Так пускай же она придет и заберет меня. Пусть заберет меня, когда я закрою глаза. Кроме белых пятен, мне уже трудно что-то различить. Вижу только свет и горизонт. А теперь, когда лежу, вижу только синий фон, на котором монотонно проплывают белые пятна. Это, скорее, облака. Ноги меня уже не слушаются. Я их просто износил в этом месте, как старую обувь. Я их даже не чувствую. Смерть уже потихоньку подбирается ко мне. Подбирается снизу. Начиная с ног. Ниже колен я уже ничего не чувствую. Я смотрю на свои ноги и едва могу различить красные пятна. Мне кажется, что стопы мои слегка увеличились от дороги. Я пытаюсь присмотреться, но все равно ничего толком не могу различить. Лучше закрою глаза. Так будет легче. Я почувствую смерть, но не увижу ее. Как же горит спина. Боже. Я не могу даже перевернуться. Смерть уже близко. Она все подбирается ближе. Ближе ко мне, ближе к моему сердцу. Боже! Где же ты, Господь Бог?! Где?! Разве ты не видишь, что я умираю?! Конечно же видишь. Ты все оттуда видишь. Ты смот-

ришь на меня сейчас и тебе все равно. Или же ты просто слабее смерти? А? Разве ты позволишь смерти овладеть моим сердцем? Оно ей нужно. Мое сердце. Но оно и мне нужно. Я ведь так никого никогда и не полюбил. Я ведь так никогда никому и не стал другом. Я еще молод. У меня нет отпрысков. Я не познал еще всех благ этого мира! А ты просто сидишь там сверху и смотришь на меня. Потирая руки сидишь и ждешь. Когда же я сделаю последний вздох. Ты надеешься на это и потираешь руки. Потому что у тебя сделка со смертью! Я прав! Почему же ты не заключил сделку с жизнью? Почему я все свои молодые годы потратил на служение тебе и людям? А теперь я оказался ненужным и выброшенным за борт всего общества! Всего мира! Да! Я не был самым лучшим. Я не был самым хорошим! Но я выполнял свой долг. Я делал свою работу добросовестно! А ты использовал меня и бросил... Ты родил меня и бросил, не дав еще созреть! Бросил, как плохая мать бросает новорожденное дитя! Бросил, как отец, который зачал и отправился дальше, оставив ребенка одного! Вы все меня бросили! Все! А я... А я... Да что я!? Нет смысла Вам что-то кричать! Вы все уже там! Мама и папа! Вы стоите рядом с Господом и, улыбаясь, потираете руки. Ждете, когда я к Вам присоединюсь! Так вот нет уж! Слушайте... Да пошли вы все! Идите вы все! Да, я не обращал внимания на мелочи! На природу! На людей!!! Дай же мне шанс и я буду замечать любые мелочи. Я буду замечать все мелочи. Я делал свою работу слепо! Слепо жил! Но

ведь каждый человек заслуживает на второй шанс... А ты, Господь, взял в свои нежные ручки и аккуратно положил меня на раскаленные угли. Положил в надежде съесть меня. А перед употреблением огнем очистить меня от грехов. Да ты самый настоящий садист... Ты садист, живодер и каннибал... Слышишь?! Ты – каннибал! Это твоя месть за распятие?! Да?! Я спрашиваю тебя! Ответь мне! – кричал мужчина в небо.

Но лишь легкий раскаленный ветер отвечал ему горячим прикосновением.

– Ответь мне! Ответь же! Чего ты молчишь?! Тебе стыдно?! Отвечай!

– Здравствуйте. – обратился к мужчине мальчик.

– Ответь мне! – не унимался мужчина. – Ответь! Ты – каннибал. Ответь мне! Что? Не понял. Может галлюцинации? Может я уже умер? Может показалось?»

Мужчина слегка приоткрыл глаза. На слух он повернул голову в лево. Всмотриваясь сквозь белую колючую пелену мужчина увидел невысокий силуэт в двух шагах от себя. Он попытался напрячь глаза и разглядеть этот силуэт. Но, что он только смог увидеть, так это черные волосы, старая бежевая ряса на теле. Но в чем он точно был уверен, так это в наличие у ребенка искренней улыбки во все зубы.

«Это мираж. Очередной мираж» – сказал про себя мужчина, закрыл глаза и продолжил кричать, обращаясь в небо.

– Ты мне посылаешь лишь миражи. Это весь твой пода-

рок!? Мираж с улыбающимся мальчиком?! Это за мои мучения ты преподносишь мне такой мираж?! Ахахахах. Ты просто смешон. И это твоя сила?! Ахахахах. И тебя еще называют Всемогущим. Тебя еще называют Богом. Смех да и только. Весельчак ты и все... Знаешь! Зато мне есть чем гордиться! Слушай! Я в этом месте уже больше трех дней без воды! Это уже выше человеческих возможностей! Я пережил две песчаные бури, зарываясь в песок в надежде выжить! И я всегда выбирался из песка живим, думая, что я уже на том свете! Так кто же еще Бог по нашему? А!?

«А может быть это был не мираж?» – подумал про себя мужчина.

«Хорошо. Я представлю, что это был не мираж. Тогда почему он улыбался? Почему он был с улыбкой на устах?» – раздраженно думал мужчина.

И затем в слух:

– Почему он улыбался? Он больной что ли?! Или ему смешно и весело из-за меня?! Он смеялся надо мной?! Какого хрена! Этот маленький идиот смеялся надо мной! Ублюдок! – открыл он глаза прикрыв рукой. Мальчика уже не было рядом. – Я убью его! Ему было смешно! Ему так смешна смерть?! Ему приносит удовольствие смерть людей?! Что за садисты меня окружают?! – продолжал он обращаться к себе.

– Слышишь?! – стал он снова кричать в небо. – Я убью этого мерзавства! Эта гнида смеется над умирающим! Над живым трупом, но еще не мертвым внутри! Я найду его, слы-

шишь?! Господи?! Я найду и проучу его!

«Здесь был маленький мальчик лет десяти. Родители его бы не отпустили в пустыню. Да и здоров он был и полон сил». – трезво стал рассуждать про себя мужчина.

«Может это торговый караван идет?» – подумал он и перевернулся на бок и приподнялся на локте смотря в сторону, куда он держал путь.

«Плохо вижу. Плохо. Нужно встать и немного пройти. На горизонте нет ни единого пятнышка. Значит это не караван. Может быть это город?» – оптимистично подумал он. Его глаза распахнулись шире и он не заметил, как стоял уже на одном колене. А на второе он упирался рукой.

«Так. Нужно подойти поближе. Ребенок не мог далеко уйти от города». – подумал он, встал чуть сторбившись от боли и, не замечая ее, прихрамывая, направился в сторону своего устремленного взора. Он шел так около часа. И по мере его продвижения он все сильнее и сильнее убеждал себя в присутствии, в той стороне, города. Он не обращал внимания на свои болезненные ноги, глотая ртом горячий воздух и не смыкая глаз не на одну минуту, он увидел темную полосу чуть выше горизонта. Он увеличил темп ходьбы. По мере его приближения полоса на горизонте становилась толще. И через пару часов он увидел перед собой огромное черное пятно на желтом фоне. Это были ворота города. Он постучал в них. Дверь отворилась с тяжестью насевшей на нее бытия и временной пыли. Он быстро запрыгнул. Упал на колени стал

просить воды. Но никто его не замечал. Он видел, как рядом с ним проплывали силуэты, иногда опуская головы на него. Но никто не желал ему помочь. Затем он стал пробираться в глубь города, пытаясь заметить хоть один намек на воду.

– Воды... Воды... Пожалуйста... – сухо просил он, проходя в идущую навстречу толпу. Сделав десяток шагов он споткнулся и упал, ударившись об стену дома левый плечом. Он почувствовал, как левая рука вошла во что-то едва теплое и жидкое. Это было ведро с водой. Мужчина в нервной спешке стал умываться и пить воду из этого ведра. Не зная утомления своей жажде он продолжал жадно черпать воду. Затем его сильно оттолкнули в плечо ногой. Он покатился кубарем в обратном направлении. Лежа на спине, он на руках приподнялся и открыл глаза. Смыв пелену водой, его взору открылся большой город, толпа незнакомых людей, у которых лица были злобно перекошены, а взоры их были ненавистно направлены в него. Оценив весь этот ужас он посмотрел прямо перед собой и увидел в трех шагах большого мужчину-воина, который злобно ему сказал:

– Пошел прочь, нищий забулдыга. Это он его оттолкнул ногой от ведра с водой.

Мужчина сидел на земле и видел лицо каждого человека в этом городе. Лица, проходившие мимо, лица торговцев, лица воинов, лица господ. И все эти лица были лишены улыбки. Лишь неизменная злость, серое недовольство и отсутствие малейшей радости сковывала лица всех жителей этого горо-

да. Тогда он встал, отряхнулся от пыли, поднял голову к небу и тихо произнес:

– Лучше бы я остался умирать там, в пустыне...

Кровать на двоих

Мотор фена заглушал музыку, доносившуюся из комнаты. Вероника выключила фен и услышала конец песни «Running To The Edge Of The World» Мэрелина Мэнсона. Чуть приоткрывшаяся, она вышла из ванной комнаты под «Alive» группы Empire of The Sun. Чуть приоткрытые бардовые шторы окна давали солнечному свету разливаться лучами на кровати. Раздался телефонный звонок:

– Алло? – подняла трубку Вероника

– Привет, Ника.

– Привет, зайка.

– У тебя получится к трем часам? Я просто не успеваю...

– Что-то произошло?

– Нет. Просто нужно работу доделать.

– Так, может, лучше в другой день? Чтобы ты не спешил.

– Нет, нет. Все хорошо. Я успею. Чтобы не опаздывать я прошу немного еще времени и все. Так моя репутация пунктуального человека не будет испорчена.

– Я тебя поняла, любимый. Хорошо. На три?

– Да. На три. Там же. «У черта на куличках». Целую. Я побежал

– Удачи... – не успела сказать Вероника, как из трубку послышались монотонные короткие гудки.

Вероника продолжала собираться все с тем же энтузиазмом и желанием, но немного медленнее. Она примеряла на себе новое платье, которое купила с первой зарплаты пол года назад на распродаже. Зеленое приталенное платье. Гладкий верх платья и сидит на ее молодом красивом теле, подчеркивая прекрасную стройную фигуру. А ниже поясе платье свободно окутывало ее прелестные ноги. Каштановые волосы слегка ниспадали на плечи. А челка была заправлена за ушко. Женские наручные часы Casio подчеркивали ее деловой и молодежный стиль. В ушах поблескивали аккуратные маленькие сережки. Она взяла клатч под руку и спустилась вниз по лестнице с четвертого этажа общежития. Ключ оставила на вахте.

– Теть Зина. Возьмите, пожалуйста. – Вероника протянула ключ в окошко подсобки. Женщина с серьезным лицом партизана на допросе взяла ключ, поправила большие очки, линзы которых увеличивали глаза и нагоняли щекотливого ужаса, и расплылась в улыбке.

– Какая красивая. Не уж то, на свидание? А?

– Да, тетя Зина. – улыбнулась Вероника.

И затем:

– До свиданья, тетя Зина.

– Хорошо тебе там погулять, девочка! – крикнула вслед женщина. – Эх. Повезло какому-то дровиче. – намного тише произнесла она.

Вероника дошла до остановки и стала ждать автобуса под-

ходящего маршрута. На остановке жмурились от августовского солнца двое парней. Один улыбался ей и подмигивал. Вероника заметив это сразу отвернулась. Через пару минут подошел автобус. Она расплатилась на входе, села у окна и направила мысли в проплывающие улицы за окном. Она думала об учебе, о работе и о том, почему ее оставили родители. Ее родная бабушка пыталась дать ей тепло и уют. Но бабушке не под силу было заменить любовь родителей.

Остановка была пуста. В такой жаркий день все сидели дома под вентиляторами или под кондиционерами. Она вышла на залитую, будто золотом, раскаленную солнцем улицу. Ее встретил легкий ветерок и слегка подкинул волосы вправо. «Первый ветер за всю жаркую неделю. День уже только поэтому может быть хорошим» – подумала она и направилась через дворы к проспекту. В тени деревьев и мужских развратных и голодных взглядов, она дошла до бара. Над большими дверями зияла полумесяцем надпись «У черта на куличках». Она осмотрелась и подумала: «Название подходящее. Бог знает где. Но теперь не только одному ему известно». Вероника зашла в бар и встретилась взглядами со всей публикой. Там были и мужчины и женщины, юноши и девушки. Деревянные столики. Приятные запахи. Вроде бы не злы люди. Уютная атмосфера. Веронике все понравилось. Она даже приятно удивилась увиденному. Вероника стала идти между столиков уверенной походкой. Взглядом искала своего парня. Нигде не заметив его – уселась за свободным

столиком у окна. «Пока еще не опаздывает. Пока еще удерживает у себя титул пунктуального человека. Ну ладно, посмотрим.» – подумала Вероника. К ее столику подошел официант и раскрыл перед ней меню.

– Еще одно меню можно, пожалуйста. – попросила Вероника.

Двери заведения открывались и закрывались. Но тот, кто нужен был Веронике, не появлялся. На часах, что висят на стене, два часа пятьдесят семь минут. Стрелка перешла на пятьдесят восемь, открылась дверь и зашел он. Высокий брюнет, в джинсах футболке и черном пиджаке. На голове – не понятная прическа. Волосы бесконтрольно топорщились в разные стороны. Он подошел к столику Вероники и сел напротив.

– Привет, Ника.

– Привет, Миша. Знаешь, я сижу здесь уже десять минут.

– Но я же вовремя.

– Хорошо, что ты пришел.

– Еще бы. Свой титул пунктуальности я не хочу терять.

Да еще и в такой ответственный момент.

– В этом ты молодец – заулыбалась Вероника.

– Ах да. С Днем Рождения, Ника! Вот. Это тебе – Миша протянул ей маленькую книжку с листками бумаги А6. Кожаная обложка была приятна на ощупь. Надписей никаких не было.

– Открой. – попросил Миша

Вероника открыла и увидела надпись «Иосиф Бродский. Избранные стихи».

– Ух ты. Где достал такую оригинальную книжку.? В таком оформлении.

– Сам выбирал стихи, которые должны тебе понравиться, распечатал на листах. Обложку тоже сделал из старой сумки. И даже закладка есть и шнурка.

– Ну ты и рукодельник. Спасибо тебе огромное. А я думала ты вообще забыл.

– На самом деле я забыл. А эту книжку вечно с собой ношу.

– Не обижай меня хотя бы сегодня – рассмеялась Вероника.

– Ладно, ладно. – заулыбался Миша.

– Слушай. Я и не думала, что у бара с таким мрачным названием будет такая приятная обстановка и куда более уютная атмосфера, чем в аристократических ресторанах.

– Название лишь подтверждает тот факт, что находиться бар далеко и глубоко, и остается этим фактом.

– Что ты имеешь ввиду под словом глубоко?

– Ну под словом далеко – все понятно. А глубоко – потому что людям приходится идти сюда пешком. На машине к бару не подъедешь.

– Ааа. Ну тогда все понятно.

– Думай как я. И все будет просто. Открой дорогу фантазии и мы с тобой не потеряемся в разговоре.

– Так. Я хочу выпить. А ты мне тут по ушам ездешь. – с шуткой запротестовала Вероника

– Понял... Официант

Подошел официант:

– Слушаю Вас...

– Нам Глинтвейна, пожалуйста. Форель с картошкой и шоколадное мороженное на десерт ля девушки.

– Ожидайте.

Они быстро разделались с едой в шумном и веселом разговоре. Уходя они взяли одну бутылку белого вина.

– Может поедем ко мне? – предложил Миша.

– Завтра утром на учебу, ты же знаешь. Может лучше ко мне?

– Там же эта бабка...

– Она очень хорошая женщина.

– Да. Не спорю. Может быть. Но, когда она кричит на меня, создается впечатление, что она меня насилует.

– Ах вот, почему ты у меня работаешь активнее, чем у себя дома. – засмеялась Вероника.

– Жаль, что слова Астроумие не существует. Оно тебе очень подходит.

– Не обижайся. – с насмешкой сказала Вероника

– Не буду.

Она поцеловала его и они пошли на остановку. В пути весело разговаривали и смеялись. Доехали до остановки «Общезитие» через час.

– Знаешь. Лично для тебя тот бар имеет еще обычное название, если посмотреть на то, в каком месте находится твой дом. – выпалил Миша.

– Это точно. Зато все своим трудом.

Миша промолчал.

Они зашли в общежитие. Седая голова с большими очками поднялась. Открылось отверстие с гнилыми зубами и вставной челюстью, и начал издавать невнятные звуки, в сопровождении с фонтаном слюней.

– Ах ты развратник! Хватит девочке вставлять! Хватит ей мозги пудрить! Да ты же дрыщ! Сопляк!

– Все хорошо, тетя Зина – смеясь сказала Вероника.

– Прости, деточка. Я просто очень переживаю за тебя.

– Все хорошо. Я вас понимаю. И не обижаюсь – встрял

Миша.

– Закрой свой рот! – крикнула женщина

– Закрыл – засмеялся Миша.

Вероника взяла ключи и они вместе стали подниматься.

– Ну и дрочила... – тихо, но слышно сказала женщина.

– Он самый. – крикнул Миша.

– Оно и видно, – уже под нос буркнула себе женщина.

Они поднялись на этаж и зашли в комнату с номером 44.

Комната была обустроена в стиле унисекс. Нельзя было с уверенностью назвать ее только мужской или исключительно женской. В ней себя уютно чувствовали и мальчики и девочки. Они устроились на полу. Пока Миша разливал вино,

Вероника включила «Devour» Мэрелина Мэнсона.

– Плохо, что это не студенческая общага. Не с кем посидеть вечером и вот так вот выпивать ил просто проводить время.

– Да уж. Понимаю.

Они пили вино и слушали музыку около часа. Потом Миша поставил бокал и поцеловал Веронику в губы.

– Такие вкусные. – сказал Миша

– Еще раз поцелуй. И поймешь. Может, ошибься.

Он поцеловал ее еще раз и распалил сильнее. Они встали. Он взял ее на руки и положил на кровать. Продолжал целовать. Она перевернула его и стала сверху.

– Я хочу тебя... – тихо и нежно сказала она на ухо.

Миша одним движением двух рук снял через верх ее платье. Чуть приподнялся и стал посасывать соски. Она застыла и взяла его за волосы. Прижала к себе сильнее. Вероника расстегнула ремень и сняла с него джинсы с помощью ног. Он снял футболку. Она перевернулась сверху на нем создав позу 69 и взяла в рот. Глотая и нежно покусывая член, она постанывала от языка, что работал с ее клитером, как перышком. Затем она переставила ноги рядом. Освободив его голову она продолжала наяривать на пенисе. Миша взял и ввел ей во влагалище один палец. Медленно. И стал водить им туда-сюда. Затем два пальца. Вероника постанывала, давилась и чуть захлебывалась своими слюнями. Он остановил ее. Аккуратно положил на кровать и вошел в театр неж-

ных и громких стен. Которые окутывали его член, гладили его и насыщались жизнью внутри, переводя весь спектакль в милозвучный стон голосовых связок. Сладкое ущелье гостеприимно разливалось своими водами на постель и бедра стонущей.

Миша стал ускоряться и перед тем, как кончить вытащил пенис подвинулся чуть выше в экстазе и наяривая рукой кончил ей на грудь. Она выгнулась, как мостик и издала длинный стон. Затем он протянул ей свой член и она лежа взяла его в рот и слизала, все что там было и проглотила.

– Вкусненько – улыбнулась Вероника.

– Еще бы. Вино то дорогое – подстегнул ее Миша.

Вероника встала и пошла в душ подмыться. Вышла через пять минут и легла рядом с Мишей. То еще не спал.

– Миша... Ты спишь?

– Нет

– Зачем оно тебе? Все это. Зачем тебе эти девочки, мальчики? Зачем ты со всеми ими спишь? Ведь у тебя есть я...

– Я же говорил тебе и просил понять. Это все та травма психологическая...

– Это девушка бросила тебя год назад. Мы уже вместе восемь месяцев...

– А ты все считаешь и считаешь... Вместо того, чтобы жить и понимать...

– Я все понимаю... Просто... Просто я думала, что прошло достаточно времени. Мы могли жить вместе.

– Где?

– Здесь, у меня.

– Тут хорошо, уютно. Но я люблю свое жилье, а не съемное.

– Это всего лишь отговорки...

– Какие отговорки?! – вспыхнул Миша и отвернулся.

– Просто ты сорвался один раз и тебя понесло. Вместо того, чтобы попытаться самому все понять... Может ты сам во всем виноват...

– Меня все устраивает...

– Конечно устраивает. Пришел, кончил и ушел. Максимум, на что тебя хватило, – это три дня и ночи подряд со мной. И все...

– Я могу и уйти...

– Делай что хочешь. Ты меня не понял...

– Прости... – говорит Миша. – За то, что я такой.

– Можно было и не говорить ничего после первого слова. Было бы больше похоже на искренность. А так, больше похоже, что ты себя жалеешь.

– Может быть...

– Мне просто не приятно. И все... Ты суешь свой красивый член, который я люблю всем своим телом и принимаю его в свой не только телесный мир, но и духовный. А ты собираешь всю эту грязь и вонь из множества пезд девочек и жоп мальчиков и приносишь мне все это, как на подносе. И с той же остротой и со всем этим ненужным мусором ты

вставляешь в меня свой пенис. Хотя бы себя пожалел... А так, ты просто на словах жалеешь...

– Ты все сказала? Первый раз слышу. Что ты так расходишься.

– Уж будь добр – выслушай.

– Ладно. Валяй...

– Ты целуешь этих девочек, пропитываешься их запахом. Этих мальчиков трахаешь. Потом сбрасываешь все на меня и в меня. Сам ходишь довольный с пустыми яйцами, а я как гусар, принимаю весь удар на себя... Я потеряла родителей. Ты это прекрасно знаешь... И я просто не хочу потерять тебя. А ты даже не можешь просто оставаться здесь почаще...

– Ладно, буду...

– Да пошел ты...

– И тебе спокойной ночи...

Утром Миша проснулся и не увидел рядом Вероники. «Наверное уже ушла в институт» – подумал он.

Встал, принял душ, сделал кофе и выпил его. Закрывая дверь, он увидел на окне приклеенный листок бумаги и что-то чуть ниже листка, на самом окне. Миша подошел и аккуратно отклеил листок..

«Прости за вчерашнее. Я немного расстроилась и просто я не люблю свой день рождения. Ведь на год становлюсь еще старше и старее. Можешь взять блины в холодильнике и сделать себе кофе с молоком. Ключ оставь у тети Зины, я ее предупредила. Созвонимся. Люблю. А чуть ниже – целую...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.